

Бытует ошибочное мнение, что невежество — известное и простое явление. На самом деле невежество — интегральная система, которая непрерывно действует во всех сферах жизни людей. Можно сказать, что это похоже на политэкономии капитализма, где задействованы необычные работники, которые продают необычные товары. Понятно, что маркитантов невежества гораздо больше, чем бизнесменов на рынке (“товары-деньги”), а главное, в бизнесе невежества всё может быть товаром.

Начнём с общего и абстрактного образа невежества. С момента возникновения человека разумного индивид совещается с другими людьми в своей семье. Человек — существо деятельное: он непрерывно действует, строит новый мир, обдумывает идеи и формы, изобретает инструменты и навыки. Всё это он обрабатывает посредством языка, разума и воображения в группе близких людей. В процессе в группе появляются оппоненты. Они иногда говорят ему: ты не всё обдумал, ты сделал неправильно! Возникает конфликт, и он может развиваться по разным сценариям.

Профессионалы и активисты организуют важные акции невежества для народа, и на эти действия идут массы людей. Иногда они выходят на площади, а теперь всё чаще ограничиваются просмотром телевизора. Но и подобные важные мероприятия быстро обрастают другими смыслами — люди пытаются понять явление невежества, но смотрят на него по-разному. К несчастью, очень часто мы сталкиваемся с сужением сознания: получив сообщение, человек сразу же с абсолютной уверенностью принимает для себя одно-единственное его толкование.

Более того, в сознании человека слово взаимодействует с воображением. Аристотель писал, что, когда ум осознаёт какую-то вещь, он должен построить её в воображении. Исходя из этих “образов вещей”, мы вырабатываем и нашу линию поведения.

Чтобы представить достоверную картину погружения в невежество общности интеллектуалов (“креативного класса”), надо дать контекст.

В своих откровениях Макиавелли высказал вещь, важную непосредственно для нашей темы: слова политиков всегда нуждаются в истолковании. Он заострил этот вопрос до предела, признавшись в письме от 17 мая 1521 года: “Долгое время не говорил я того, во что верю, никогда не верю я и в то, что говорю, и если иногда случается так, что я и в самом деле говорю правду, я окутываю её такой ложью, что её трудно обнаружить”.

Когда разрушение логики сочетается с невежеством и воспалённым воображением, возникают социально опасные состояния целых социальных групп — невежество освобождается от оков. В моменты кризисов такие группы организуют новые партии. Будучи превращёнными в возбуждённую толпу, они

могут стать взрывным устройством, сокрушающим целые страны. За ними тянутся шлейф “второго эшелона” — это агенты, маркитанты, которые получают поживу, и начинают верить в неё настолько, что вполне искренне обращаются к людям. Уже в Новом времени некоторые философы увидели в таком невежестве угрозу. Гёте сказал: “Нет ничего страшнее деятельного невежества”.

Бывает, общество не принимает разумные доводы сведущего человека — это приводит к хаосу и утрате способности понимать реальность. Это угрожающее невежество. В его тумане образы изменяются, бывает, что даже учёные впадают в невежество. Особенно это заметно в периоды тяжёлого кризиса, смуты или социальных катастроф.

Как иногда человек болеет телесно, так болезнь поражает и духовную сферу, — под влиянием сдвигов бытия, страхов, внушений и соблазнов. Именно в такие моменты в сети разума возникают прорехи, и они заполняются невежеством. Это “новое невежество”, национальное бедствие — неожиданное, ещё не имеющее чёткого образа.

Типов невежества много, все они разными путями ведут к кризису идентичности личности. Нарушение привычной обстановки всегда повышает внушаемость. Это стало предметом изучения в Европе 1920-х годов, когда беззащитность против внушения наблюдалась не только у населения, терпящего социальное бедствие (как в Веймарской республике или во времена фашизма), но и у людей, переживших потрясение.

Понятие “современное невежество” очень широко, его можно рассматривать с разных точек зрения. Конечно, мрак невежества не ослепляет абсолютное большинство. Но здесь мы всё же говорим о беде, которая охватывает массу людей. Надо обязательно учесть, что люди, особенно те, которых зацепила “культурная травма”, иногда переживают психические расстройства, а болезненные образы и суждения, которые рождаются в их сознании, надо отделять от невежества. Таким людям надо как-то помогать.

Процессы невежества растянуты во времени. Чтобы понять это, надо представить их в динамике. Часто процесс кажется стабильным, но в реальности к нему присоединяются различные дополнительные процессы. Например, попытки перенести в цивилизацию большую техническую и социокультурную систему, которая хорошо зарекомендовала себя в другой цивилизации, обычно заканчиваются крахом или сопряжены с тяжёлыми потрясениями. Это может создать сочетание соблазна и риска, а, не заметив или не поняв побочных процессов, участники конфликта могут погрузиться в невежество.

Также надо учесть, что после 1955 года в нашей стране тщательно маскировались угрозы, которые порождали и развивали мировоззренческий кризис советского общества. Кризис легитимности вызревал 30 лет. Уже с 1970-х годов скрывалась невидимая опасность для общественного строя — быстрое и резкое ослабление, почти исчезновение его прежней мировоззренческой основы. В то время официальное советское обществоведение утверждало (и большинство населения искренне так и считало), что мировоззренческой основой является марксизм, оформивший в рациональных понятиях стихийные представления трудящихся о равенстве и справедливости. Установка была ошибочной — она была проявлением невежества.

Мировоззренческой основой советского строя был общинный крестьянский коммунизм. В 1960-е годы на арену вышло новое поколение интеллигенции из городского “среднего класса”. В ходе индустриализации, урбанизации и смены поколений философия крестьянского коммунизма теряла силу и истощивала свой потенциал, хотя важнейшие её положения и поныне сохраняются в коллективном бессознательном.

Глубокие изменения в образе жизни, структуре общества и в культуре требовали перехода от механической солидарности к органической. В период “сталинизма” советское общество было консолидировано механической солидарностью — все были трудящимися, выполнявшими великую миссию, общество было похоже на религиозное братство. С 1960-х годов изменялась структура занятости, от традиционных профессий очень быстро стали отпочковываться новые специальности — во всех отраслях.

Взрывное возникновение множества групп с разными структурами и ценностями создало для политической системы ситуацию реальной невозможности пересобрать новое население в общество и нацию — старая партийно-государственная машина не могла ни понять, ни предвидеть, ни выработать новые

технологии. Ю. В. Андропов в 1983 году так определил состояние общественного сознания: “Мы не знаем общества, в котором живём”.

На первом этапе в СССР сложились спасительные условия: культура России переживала подъём в основной массе населения — крестьян, рабочих и городского среднего класса, — они ещё не были атомизированы и вели интенсивные диалоги или коллективно рассуждали, что было большим препятствием для невежества. Всё это позволило в ходе революции произвести мировоззренческий синтез общинного крестьянского коммунизма с идеалами Просвещения.

На этом “двигателе” СССР работал по инерции до 1960-х годов и последующие тридцать лет. Нельзя быстро описать процесс погружения в невежество — при кризисе невежество быстро деформирует институты и приводит в негодность важные инструменты. Всё это можно было наблюдать в последние тридцать лет, хотя признаки бури мы должны были заметить раньше.

Дезинтеграция прошла почти по всем общностям. Невежество, эта многослойная и турбулентная туча, зацепило всех сильнее или слабее. Пусковым механизмом цепного процесса стала “культурная травма”. Чтобы понять современную картину, надо найти истоки. Для этого полезно пройти по пути инерции к тому месту и времени, где зарождалось действие.

В статье мы можем разобрать несколько примеров систем невежества во время перестройки и реформ 1990-х годов. Эти примеры напрямую влияли на государство и общество — его культуру и образование, науку и технику, философию и право.

Речь пойдёт о нескольких политиках перестройки, известных авторитетах, которые много говорили с населением о смысле изменений советского строя и были убедительны в своих рассуждениях. Сейчас уже можно рационально изучать их роль в развитии перестройки, реформ России и ликвидации СССР. Таких деятелей было много, но мы выбрали нескольких политиков “второго ранга” — именно они разговаривали с народом на доступном языке.

Сейчас мы имеем картину мира от перестройки до реформы 2000 года. За эти 25 лет над Россией прошла туча невежества. Следующую волну этой болезни, уже в XXI веке, только начали исследовать. Но для качественных исследований необходимо иметь достаточно данных о генезисе первой волны (1985-1999 годов).

Для нас важна одна конкретная часть процесса: отношения активных интеллектуалов с теми людьми, которые получают дозы невежества от авторов и их агентов. Конкретно, мы говорим о тех людях, которым это “новое” невежество невыгодно, но произошло разделение на группы: одна отсеяла неубедительные аргументы, а вторая в них поверила.

Вот один пример из многих исследований, как относились трудящиеся к новым экономическим условиям. Социологи опросили 716 рабочих и инженеров трёх заводов (в Шадринске, Тамбове и Москве) в апреле-мае 1991 года. Вопрос был следующим: “По какому пути должна развиваться наша страна в ближайшей перспективе?”

Люди разделились на 4 группы. Большинство проголосовало за “по пути развитых капиталистических стран Запада” — 30,5% опрошенных (29% рабочих и 32% специалистов). Вторая по численности группа — “по пути обновлённого, гуманного, демократического социализма” — 17,7% (18% рабочих и 17,3% специалистов). Третья группа — за “особый исторический путь развития, отличный от пути других стран”. Остальные сказали, что “в условиях глубокого кризиса страны невозможно определить пути её дальнейшего развития” — 15,2%, и 8,3% затруднились ответить.

При обсуждении отношения к безработице как обязательному условию рыночной экономики 2/3 опрошенных (66%, 54% рабочих и 96% специалистов) согласились, что небольшая безработица полезна. Треть оказались против безработицы в СССР, по их мнению, любая безработица вредна и бесчеловечна.

А ведь 54% рабочих ещё в 1987 году и не думали о безработице, а в 1991-м приняли её, не получив для этого никаких разумных доводов и никакого положительного опыта. Почему же так изменились их установка по важнейшему для них вопросу? Так им промыли мозги невежеством.

Теперь для примера представим обзор ВЦИОМ, который в течение пяти лет проводил большие социологические опросы в рамках проекта “Мониторинг перемен: основные тенденции”. Результаты были опубликованы в 1995 году.

Вот выдержки из обзора, говорящие об отношении людей к советскому строю и к “рынку”: “За пять лет реформ (1990-1994) число приверженцев частной собственности сократилось, а доля её противников возросла. Можно утверждать: население укрепилось в своём представлении о том, что основой частной собственности должен быть малый бизнес... В массовом сознании богатство нынешних “новых русских” не является легитимным, поскольку, по мнению населения, получено в результате либо “прихватазации” бывшей госсобственности, либо финансовых махинаций и спекуляций”¹.

Очевидно, что результат внушения населению, будто реформа ему будет нужна, исчез. Большая часть людей поверила власти, экспертам и философам, и в период с 1990-го и по 1992 годы поддерживала программу, но затем большинство посчитало, что политики ошиблись и попали в трясины невежества; другие посчитали, что их попросту обманули. Результат: к 1995 году произошёл раскол гражданского общества, и большинство граждан отшатнулось от власти. Невежество или мошенничество – неважно. Мы будем считать, что это было невежество.

А ведь в среде экспертов и философов должны были быть известны выводы крупного международного социологического исследования “Барометр новых демократий”, которое проводилось, начиная с 1991 года в бывших соц-странах и во всех республиках СССР. В августе 1996 года в России был опубликован доклад руководителей проекта Р. Роуза (Великобритания) и К. Харпфера (Австрия).

Вот выводы этого исследования, касающиеся нас: “В бывших советских республиках практически все опрошенные положительно оценивают прошлое и никто не даёт положительных оценок нынешней экономической системе”². Если точнее, то положительные оценки советской экономической системе дали в России 72%, в Белоруссии – 88% и на Украине – 90%.

В обзоре результатов общероссийского исследования “Новая Россия: десять лет реформ”, проведённого Институтом комплексных социальных исследований РАН под руководством М. К. Горшкова, говорится: “Проведение ваучерной приватизации в 1992-1993 годов” положительным событием назвали 6,8% опрошенных, а отрицательным – 84,6%³.

Это исследование доказало, что элита перестройки утратила практически всё доверие бывшей социальной базы, которая вначале поверила в справедливость и развитие общества.

Спустя 20 лет исследователи пишут: “После 1988 года число поддерживающих идеи и практику перестройки сократилось почти в два раза – до 25%, а число противников выросло до 67%. И сегодня доля россиян, позитивно оценивающих перестройку, хотя и несколько возросла и составляет 28%, тем не менее, большинство населения оценивает своё отношение к ней как негативное (63%)”⁴.

Так, элитарные ораторы убедили граждан изменить общественный строй и, главное, отдать право участника совладельцам общественной собственности, гарантию на труд и его оплату. В это время был выпущен “декрет о приватизации”, и граждане получили ваучеры, как фокусники на арене. Дело сделано, и “поезд ушёл”.

В этом отношении много сделали некоторые философы – особый тип интеллектуалов, влияющих на сознание и воображение людей. В начале Нового времени роль философов резко возросла. В век Просвещения уже была разработана методология формирования общественного мнения, так что интеллектуалы (на первых порах в основном философы и юристы) стали влиять на представления не только узкого круга властной элиты, но и на массовое сознание.

С середины XX века сложилось сообщество философов. Их язык и логика требовали интеллектуальных усилий для восприятия, но многим людям они были интересны.

¹ Мониторинг перемен: основные тенденции. // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М.: ВЦИОМ. 1995, № 2.

² Роуз Р., Харпфер Кр. Сравнительный анализ массового восприятия процессов перехода стран Восточной Европы и бывшего СССР к демократическому обществу. // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М.: ВЦИОМ. 1996, № 4.

³ Десять лет российских реформ глазами россиян. // СОЦИС, 2002, № 10.

⁴ Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя. // СОЦИС, 2005, № 9.

А. П. Бутенко — профессор МГУ и ранее заместитель секретаря партбюро философского факультета по пропаганде и агитации. В 1988 году в книге “Власть народа посредством самого народа” Бутенко приводит большую подборку выдержек из Маркса, в которых утверждается паразитическая суть государства. Он добавляет: “Важно подчеркнуть, что такая тенденция — не особенность какого-либо определённого типа государства, а общая черта развития государства как такового”¹.

Изречения Маркса о государстве были туманны. Представим образ России “по Марксу”: “Централизованная государственная машина, которая своими вездесущими и многосложными военными, бюрократическими и судебными органами опутывает (обвивает), как удав, живое гражданское общество, была впервые создана в эпоху абсолютной монархии... Этот паразитический нарост на гражданском обществе, выдающий себя за его идеальный двойника... Все революции только усовершенствовали эту государственную машину, вместо того чтобы сбросить с себя этот мертвящий кошмар... Коммуна была революцией... против самого государства, этого сверхъестественного выкидыша общества”.

Такое представление о государстве разрушает систему общества, ведёт к его распаду, всем это было известно. Но Бутенко в условиях перестройки делает вывод, что само существование государства показывает, что в обществе такого формата примирение классов невозможно, поскольку, “по Марксу, государство не могло бы ни возникнуть, ни держаться, если бы возможно было примирение классов”². Следовательно, в СССР существуют непримиримые межклассовые противоречия, и перестройка должна перерасти в революцию.

После ликвидации СССР, в октябре 1994 года А. П. Бутенко так пишет о советском государстве: “Был создан не социализм, а общество-монстр, двуликий Янус, клявшийся в своей верности людям труда, которым он бросал подачки с барского стола, но верой и правдой служил бюрократии, номенклатуре. Именно это общество — казарменный псевдосоциализм как коммунистическая разновидность тоталитаризма — и было отвергнуто народом, рухнуло, перестало существовать”³. В этом наборе слов нет знания о предмете, однако профессор А. П. Бутенко прослыл теоретиком советского строя. Почему же у нас не было ничего, никакого строя?

А. П. Бутенко делает много выводов на этот счёт. Он пишет, будто крестьянин, рабочий и люмпен в России “не имели ничего” — ни дисциплины, ни привязанности к частной собственности, ни образования, ни культуры, ибо всё это несёт людям только капитализм, который в России не успел развиваться.

Многие наши философы часто оценивают реальность по своему настроению. Профессор А. П. Бутенко долго занимался коммунистической пропагандой и агитацией и вдруг стал охаивать советский строй, свою партию, крестьян и рабочих. А главное — Сталина: “Антисталинизм — главная идея, мобилизационный стяг, использованный Хрущёвым в борьбе с тоталитаризмом. Такой подход открывал определённый простор для борьбы против основ существующего социализма, против антидемократических структур тоталитарного типа, но его было совершенно недостаточно, чтобы разрушить все тоталитарные устои, а тем более для того, чтобы обеспечить стране стабильный прогресс... Развивая и углубляя перемены, начатые во времена хрущёвской оттепели, Горбачёв нанёс смертельный удар советскому тоталитаризму”⁴.

Это — не философия. Но многим понравилось.

Два известных философа — В. Ж. Келле (окончил МГУ в 1944 году, доктор философских наук, профессор) и М. Я. Ковальзон (окончил философский факультет Московского института истории, философии и литературы, доктор философских наук), авторы известного учебника “Исторический материализм” — выпустили несколько изданий учебника, но перестройка прервала этот труд. Истмат, который зазубрила советская интеллигенция, выставив “неправильному” советскому строю плохую оценку, идейно подготовил перестройку.

¹ Бутенко А. П. Власть народа посредством самого народа. М.: Мысль. 1988.

² Маркс К. Гражданская война во Франции. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд. Т. 17. С. 543-546.

³ Бутенко А. П. О характере созданного в России общественного строя. // СОЦИС. 1994, № 10.

⁴ Бутенко А. Особенности крушения тоталитаризма коммунистических цветов. // Общественные науки и современность. 1995, № 5.

Сами В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон замечательно подвели итоги своей деятельности в большой статье в журнале “Вопросы философии” (1990). Они отказались от советского строя: “Строй, который преподносился официальной идеологией как воплощение идеалов социализма, на поверку оказался отчуждённой от народа и подавляющей личность авторитарно-бюрократической системой... Идейным основанием этой системы был догматизированный марксизм-ленинизм”¹.

Два этих видных деятеля обществоведения и активные производители “догматизированного марксизма” были вынуждены заявить, что “на поверку” советский строй оказался не тем, о чём они писали ранее. Печальное зрелище. Это признание значит, что их “наука” не располагала существенными средствами для познания реальных общественных процессов. Ведь если бы они были исследователями, которые, для виду подчиняясь “системе”, в то же время изучали нашу действительность эффективными методами, то в 1990 году они вынули бы из ящика стола и опубликовали свои откровения.

Тогда же известный философ В. М. Межуев утверждал: “Какое же общество действительно нуждается в правовой демократии и способно её защитить и сохранить? Я думаю, только то, которое состоит из собственников, независимо от того, чем они владеют: средствами производства, денежным капиталом или только своей рабочей силой... Иными словами, это общество частных интересов и дел, где каждому что-то принадлежит и каждый имеет право на собственное дело. По существу, это и есть гражданское общество, в котором люди связаны между собой как независимые друг от друга индивиды — самостоятельные собственники и хозяева своего частного дела”².

Наша культура оказалась негодна для цивилизации. В. М. Межуев пишет: “Согласование нашей культурной традиции с тем цивилизационным путём развития общества, на который мы всё-таки должны вступить, но пока ещё никак вступить не можем, и есть, видимо, та главная проблема, которая сегодня встала перед нами в своём полном объёме и во всей своей сложности...”³.

Примерно такую же проблему видел философ А. И. Ракитов (советник Ельцина, директор одного из аналитических центров при президенте). Он был почти счастлив: “Самая большая, самая жестокая империя в истории человечества распадается... Надо говорить не об отсутствии цивилизации, не о бесправии, не об отсутствии правосознания, не о незаконности репрессивного механизма во времена Грозного, Петра, Николая I или Сталина, но о том, что сами законы были репрессивными, что конституции были античеловечными, что нормы, эталоны, правила и стандарты деятельности фундаментально отличались от своих аналогов в других современных европейских цивилизациях”⁴.

Неужели интеллигенция уверена, что, по сравнению с Европой, Россия была чуть ли не людоедской страной, где кровь лилась рекой? И это убеждение — символ веры, его не поколебать никакими разумными доводами. Если А. И. Ракитову сказать, что за 37 лет царствования Грозного было казнено около 3–4 тысяч человек — гораздо меньше, чем за одну только ночь в Париже тех же лет (называют число 12 тысяч), его убеждение несколько не поколеблется. Нисколько не смутится он, если напомнить, что в тот же период в Нидерландах было казнено около 100 тысяч человек, но не сможет он отказать себе в том, что Россия — изначальная “империя зла”.

Читая статью в “Вопросах философии”, поражаешься, что философ видит только “чёрные дыры” — от Грозного до Сталина — и что вся российская цивилизация была античеловечной. Что это за философия такая? Как можно было публиковать текст в таком состоянии?

А. И. Ракитов признаёт, что основной удар реформы направлен именно против основ русской культуры как генотипа всей цивилизации России: “Трансформация российского рынка, основанного на низких технологиях, вялотекущих экономических процессов... в рынок современного капитализма

¹ Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Общественная наука и практика. // Вопросы философии. 1990, № 12.

² Межуев В. М. Право. Свобода. Демократия. (Материалы “круглого стола”) // Вопросы философии, 1990, № 6.

³ Межуев В. М. Национальная культура и современная цивилизация. // Освобождение духа. М.: Политиздат. 1991. С. 260-262.

⁴ Ракитов А. И. Цивилизация, культура, технология и рынок. // Вопросы философии. 1992, № 5.

требовала новой цивилизации, а следовательно, и радикальных изменений в ядре нашей культуры...¹

Так, в 1990 году на “круглом столе” по проблеме свободы, организованном журналом “Вопросы философии”, выступил целый ряд видных интеллектуалов.

Ю. В. Волков, доктор философских наук, завкафедрой социологии и социального управления Академии труда и социальных отношений, пишет о позиции рабочих: “Демократическое движение, начавшее развиваться в стране в последние годы и охватывающее, главным образом, прогрессивную интеллигенцию, вряд ли сможет само по себе преодолеть сопротивление консервативных сил и обеспечить утверждение нормальной, эффективной рыночной экономики...²”.

Сдвиг элиты к идее трансформации социального строя и перехода к частному предпринимательству происходил быстро – и вопреки установкам основной массы населения.

В самых разных выражениях давалась характеристика того большинства (“охлоса”), которое в реформе должно было быть отодвинуто от власти и собственности. Г. Померанц пишет: “Добрая половина россиян – вчера из деревни, привыкла жить по-соседски, как люди живут... Найти новые формы полноценной человеческой жизни они не умеют. Их тянет назад... Слаборазвитость личности – часть общей слаборазвитости страны. Несложившаяся личность не держится на собственных ногах, ей непременно нужно чувство локтя”³.

Мы показали несколько фрагментов текстов и высказываний философов, которые во время перестройки необычно резко представляли советский строй – настолько, что произошёл болезненный раскол общностей и поколений. Далее это привело к дезинтеграции всех форм социальной организации. Кризис российского общества, перешедший в 1991 году в острую стадию, потряс всю систему, её элементы и связи.

Известные социологи (З. Т. Голенкова и Е. Д. Игитханян) так объясняют состояние общества в этап перестройки и 1990-х годов: “Судьба прежних высших слоёв (политической и экономической элиты) сложилась по-разному: кто-то сохранил свои позиции, используя имеющиеся привилегии, кто-то утратил. Хуже всех пришлось представителям прежних средних слоёв, которые были весьма многочисленны, хотя и гетерогенны: профессионалы с высшим образованием, руководители среднего звена, служащие, высококвалифицированные рабочие. Большая их часть обеднела и стремительно падает вниз, незначительная доля богатеет и уверенно движется к вершине социальной пирамиды...⁴”.

Наглядным примером служит приватизация промышленности. В 1992 году группа ведущих мировых экспертов (социологов, экономистов и философов) под руководством М. Кастельса (США) посетила Москву. Они провели интенсивные дискуссии с членами правительства РФ. Нашими экспертами были профессор Ю. А. Левада, Л. Ф. Шевцова, О. И. Шкаратан и В. А. Ядов. После отъезда иностранные эксперты составили доклад для правительства РФ.

В докладе эксперты критикуют доктрину приватизации и, изложив свои аргументы, напоминают хорошо известные вещи: “Рыночная экономика не существует вне институционального контекста. Основной задачей реформаторского движения в России сегодня является, в первую очередь, создание институциональной среды, то есть необходимых условий, при которых рыночная экономика сможет функционировать”.

Таким образом характеризуются общности, которым в ходе приватизации предполагалось передать основную массу промышленной собственности: “В настоящий момент все они так или иначе демонстрируют паразитическое поведение, их действия носят не инвестиционный, а спекулятивный характер,

¹ Ракитов А. И. Цивилизация, культура, технология и рынок. // Вопросы философии. 1992, № 5.

² Волков Ю. Е. Рабочее движение в условиях перехода к экономике смешанного типа. // СОЦИС. 1991, № 12.

³ Померанц Г. Враг народа. // “Век XX и мир”. 1991, № 6.

⁴ Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Процесс интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского общества. // СОЦИС, 1999, № 9.

свойственный в большей мере странам “третьего мира”... Такая ситуация характерна скорее не для зарождающегося, а для вырождающегося капитализма”.

И общий вывод: “Резюмируя всё сказанное, мы утверждаем, что существующая концепция массовой приватизации является главной ошибкой, которую Россия может совершить в ближайший год реформ”¹.

Кастельс и его коллеги-эксперты высказали важные суждения о начавшейся в России приватизации. Ведущие российские учёные были ознакомлены с их суждениями в прямой дискуссии. Но от широких кругов учёных и политиков, не говоря уже об обществе, это знание было скрыто – доклад был опубликован только недавно. Возможно, что наши эксперты не могли спорить с руководством Ельцина, но это обернулось погружением в невежество для множества русских людей.

Мы не знали (и уже не узнаем) мотивы большинства руководителей, работников и действительных интеллектуалов. Во время перестройки и 1990-х годов небольшая часть руководителей, работников и специалистов пытались критиковать своих бывших коллег и товарищей. Но теперь, после двадцати лет, можно предположить, что большинство авторов в рамках погружения в невежество действовало не для разрушения советского жизнеустройства, а действительно верило в иррациональные идеи “перестройки” СССР.

Известно, что после “оттепели Хрущёва” началось развитие мировоззренческого кризиса советской системы. Структуры и общности развивались быстрее, чем общественная наука. Культурные кризисы со сдвигами в системе ценностей происходят в результате сильной культурной травмы. Перестройка как раз и создала такую травму, когда радикальные группы сформировались вокруг власти (а также вокруг криминальных организаций).

Невежество – это большая проблема, необходимо разобраться в её сути, иначе мы все снова погрузимся в темноту.

¹ Кардозу Ф. Э., Карной М., Кастельс М., Коэн С., Турен А. Пути развития России. // Мир России. 2010, № 2.